

КАЗНЕННАЯ КНИГА

ИЗ ЦИКЛА ОЧЕРКОВ «ВСЕГДА СО МНОЙ»

В подмосковном Доме творчества Союза писателей СССР «Малеева» проходил III Всероссийский семинар молодых критиков, организованный ЦК Комсомола и Союзом писателей РСФСР. В числе его участников был наш земляк Александр Лейфер. На семинаре обсуждалась рукопись его книги «Всегда со мной». (Заметки о Достоевском). Вот как отзывался о рукописи один из руководителей семинара — известный советский эстетик, доктор филологических наук, профессор ИМЛИ им. Горького Ю. Б. Боров:

«Книга создает интеллектуальную атмосферу литературоведческого поиска, осмысления наследия великого русского писателя, сопряжения его с нашей эпохой. Автор умеет нравственно — ~~на~~ высоту писательского подвига Достоевского сделать точкой отсчета при рассуждениях о современных жизненных явлениях. А Лейферу хорошо удается переплетать в личностном ~~эстетическом~~ повествовании события эпохи Достоевского, материалы его художественных произведений со сложными событиями нашего века».

Рукопись рекомендована семинаром к отдельному изданию. Кроме того, ее частью заинтересовалась редакция московского альманаха «Прометей».

Предлагаем вниманию читателей фрагмент из этой рукописи А. Лейфера.

У ТРО промозглого дня начала марта 1865 года. Как обычно, тысячи дымов устремились к серому петербургскому небу. И дым, выходящий из этой трубы, ничем не отличается от других. Однако, если заглянуть внутрь здания, то можно увидеть картину не совсем обычную. Несколько человек в казенных мундирах стоят у растопленной печи. Дверца ее раскрыта, а рядом на полу — огромная груда одинаковых скромных книжек. Гудит печь (тяга хорошая!), одна за другой летят в огонь книги. На лицах присутствующих при этой казни чиновников скука: не в первый и не в последний раз происходит подобное. Может быть, кто-нибудь от нечего делать задержит томик в руках, перелистает...

Название весьма не броское — «Сборник рассказов в прозе и стихах». Напечатан сборник в типографии О. И. Бакста — издателя, известного своими демократическими наклонностями. Напечатан в 1863 году, а 15 января следующего года министр внутренних дел П. А. Валуев подписал секретное предписание о запрещении продажи книги. Цена необычная — всего 8 копеек — сборник явно предназначался для читателей с тощим кошельком, для «низов». Издатели не думали о прибыли, рассчитывали лишь покрыть издержки. А вот и фамилия цензора, пропустившего сборник, — В. Бекетов. Бывшего цензора, так как теперь он возмущен за небдительность.

Затянутый в мундир третьего отделения чиновник продолжает безразлично листать кни-

ку. Что же уместилось на ее 124 страницах?

Стихотворения Н. Некрасова — «В дороге», «Забытая деревня», «Огородник». «Развеселое житье» — рассказ Н. Щедрина. Отрывки из «Очерков фабричной жизни» А. Галицкого. Оляты стихи — «Бурлак» И. Пикиты. ...Рассказ «Сеченый» — автор не указан... А вот еще: «Акулькин муж», из рассказа каторжного в «Записках из Мертвого дома» Ф. Достоевского.

Чиловнику все ясно, имена авторов хорошо знакомы ему. Взмах руки — и книга вслед за другим летит в раскрытые дверцы печи. Огонь тотчас же начинает лизать ее шевелящиеся страницы...

Так (или примерно так) был уничтожен сборник, в котором начала свою самостоятельную жизнь одна из самых потрясающих глав «Мертвого дома» — «Акулькин муж», берущий за душу рассказ о добром и чистом женском характере, рассказ о дичайшем бесправии женщины в царской России. Достоевский отводит ему четвертую главу второй части. Он не мешивается в повествование, предоставив слово «акулькиному мужу», арестанту Шишкову — человеку «пустому и взбалмошному», «трусаватому и жидкому». Достоевский в коротком вступлении к главе рисует его малопривлекательный портрет, правда, подчеркивая, что рассказывал Шишков горячо, с жаром, что «ему хотелось рассказывать». Может быть, это был обычный среди каторжных приступ откровенности, желание облегчить душу, а, может быть, это волне-

нис — признак наступившего искреннего раскаяния — кто знает...

Говорит Шишков ярко, интересно.

Живо можно представить себе эту ночь в арестантской палате Омского военного госпиталя. Все спят. Тишина. И только неподалеку от внезапно проснувшегося писателя слышится жаркий, возбужденный шепот. Исповедуетесь убийца Шишков, повестует своему равнодушному, лишь из вежливости слушающему собеседнику — пожелому «исправительному солдату» Червину — историю дикого в своей бессмысленности преступления...

СБОРНИК рассказов в прозе и стихах) был, к счастью, уничтожен далеко не весь. Министерство внутренних дел проявило неоперативность: цензор В. И. Бекетов «одобрил» книгу 11 января 1863 года, а министр запретил продавать ее лишь через год. По одним данным, было конфисковано 2116 экземпляров, по другим — лишь 1981. Так или иначе значительная часть очень большого по тем временам тиража (10.000) успела дойти к читателю.

История сборника весьма знаменательна. Она связана с именами активных деятелей «Земли и Воли», с именем вождя русской революционной демократии Н. Г. Чернышевского.

Много лет спустя после описываемых событий, а именно в 1888 году, Николай Гаврилович Чернышевский, живя после сибирской ссылки в Астрахани, написал небольшую мемуарную записку «Моя свидания с Ф. М. Достоевским». В ней он вспоминает, что в июне 1862 года к нему пришел «незнакомый человек скромного и почтенного вида».

«Он сказал, — продолжает мемуарист, — что думает издать книгу для чтения малообразованным, но любознательным людям, не имеющим много денег, это будет нечто вроде хрестоматии для взрослых, вынул два или три листа и попросил меня прочесть их. Это было оглавление его предполагаемой книги. Взглянув на три, четыре строки первой, потом четвертой или пятой страниц, я сказал ему, что читать бесполезно: по строкам, попавшимся мне на глаза, достаточно ясно, что подбор сделан человеком, хорошо понимавшим, каков должен быть состав хрестоматии для взрослых, прекрасно знаю-

щим нашу беллетристику и популярную научную литературу, что никаких поправок и пополнений не нужно ему слышать от меня. Он сказал на это, что в таком случае есть у него другая просьба: он человек, чуждый литературному миру, не знакомый ни с одним литератором, он просит меня, если это не представляет особого труда, выпросить у авторов, выбранных им для его книги, дозволения воспользоваться ими. Я просмотрел имена авторов в оглавлении, нашел в них только одного такого, в согласии которого не мог быть уверен без разговора с ним. Это был Ф. М. Достоевский. (До этого Чернышевский и Достоевский встречались лишь раз — А. Л.). Я выпросил из оглавления книги, какие отрывки его рассказа предполагается взять, а на следующее утро отправился к нему с этой запиской, рассказав ему, в чем дело, попросил его согласия... Он охотно дал».

Чернышевский не упоминает ни имени своего гостя, ни названия «рассказов» Достоевского, из которых предполагалось взять отрывки — вполне возможно, что не упоминает из соображений осторожности. Человек «скромного и почтенного вида» был Александр Путята — офицер, преподаватель одного из столичных военных учебных заведений, активный член «Земли и Воли». А. Д. Путята был инициатором создания общества для издания дешевых книг. Советская исследовательница В. Лейкина-Свирская обнаружила в одном из архивов отчет Путяты о деятельности этого общества, а также показание, которые он давал во время своего ареста в 1866 году. Из этих документов видно, что у Чернышевского была мысль издать еще одну книгу для народного чтения, специально составленную из кусков «Записок из Мертвого дома». Путята прямо говорит, что это предложение исходило от самого Чернышевского и было сделано ему, Путяте, «при встрече на улице».

7 июля 1862 года Н. Г. Чернышевский был арестован. Наступила тяжелая полоса реакции, во время которой деятельность организованного Путятой общества стала невозможной, однако, как мы уже знаем, «Сборник рассказов в прозе и стихах» все же вышел — вышел, благодаря личной энергии Путяты и тому, что в его руках остались средства общества.

После возвращения из-за границы Ф. М. Достоевский получил письмо:

«...Согласны ли Вы позволить нам издать для чтения народа выборки из «Мертвого дома». ...нам весьма бы желательно начать беллетристический отдел наших книжек — Вашими «Записками».

8-е октября 1862 года.

Александр Путята».

Но тут появилось еще одно препятствие в лице издателя Базунова, который к тому времени купил у автора право на издание «Записок». Это видно из ответного письма Достоевского Путяте. Кстати сказать, ответил он немедленно, в тот же день:

«Я сообщил Базунову о предполагаемом Вашем издании, и он ни за что не согласается на перепечатку «Записок из Мертвого дома», несмотря на все мои доводы... Я же не имею теперь (на два года) никакого права на эти «Записки», продав их Базунову. И потому, к величайшему моему сожалению, ни редакции не могу взять на себя, ни даже согласиться на перепечатку. Разве каких-нибудь 8 или 10 страниц... Через два года, если вы будете еще продолжать Ваше издание, переключайте хоть несколько глав. А теперь нельзя».

И Александр Путята, ухватившись за фразу о каких-нибудь восьми-десяти страницах, все же включил в свой сборник отрывки из «Записок» — «Акулькиного мужа». Окончательно материал для сборника был отобран А. А. Слепцовым — одним из руководителей «Земли и Воли».

Дан «Акулькин муж» в некоторой редакционной обработке — описание обстановки и личностные рассказчика отсутствуют. Но что самое важное, в конце текста — строки из последней главы «Записок», знаменитые обличительные строки Достоевского:

«И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погребло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погребли даром могучие силы, погребли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?»

То-то, кто виноват?».

Этот смело и недвусмысленно заданный вопрос и был одной из причин, по которым была сожжена часть тиража сборника...

А. ЛЕЙФЕР.